

Я уволила гардеробщицу за то, что она не улыбалась детям

Сегодня мало кто помнит, что впервые кукольный театр детской книги появился в Москве еще в 30-е годы прошлого столетия. Он был создан по инициативе М. Горького при издательстве ОГИЗ в целях ликвидации неграмотности среди детей и их родителей. Причем был совершенно бесплатным. К несчастью, во время Великой Отечественной войны почти все артисты погибли, и театр прекратил свое существование. В 1988 году Владимир Штейн и Марина Грибанова решили вернуть театр детской книги в столичный культурный контекст. Новый театр, получивший название «Волшебная лампа», создавался практически с нуля в помещениях на Сретенском бульваре, предоставленном Южкомхозом СССР, и поначалу был частным предприятием. Потом обрел государственную поддержку. Марина Грибанова считает, что это какое-то магическое место, потому что и тот первый театр детской книги помещался в районе Сретенки, и они со Штейном родились и жили здесь же. Сегодня театров кукол в Москве немало, но «Волшебной лампе» удалось найти свою нишу и обрести постоянных зрителей, малышей и их родителей. Кроме того, Марина Борисовна, сменившая на посту художественного руководителя Штейна, несколько лет назад ушедшего из жизни, прекрасно осведомлена обо всех проблемах театра для детей.

— Марина Борисовна, когда малышка стоит впервые в театре кукол? — Сергей Образцов считал, что ребенку до четырех лет в театре кукол делать нечего.

— Вы с ним согласны? — С ним не согласны родители. К нему они начинают приводить детей еще с двух с половиной лет. И вообще, у меня сложилось впечатление, что наш театр очень хорош именно для малышей. После спектаклей «Волшебной лампы» они готовы спать и более «взрослые» вещи. Кстати, бывают случаи, когда приходят с грудничком. Среди современных мамаш будет мнение, что в первый раз ребенка надо «принести» на спектакль еще до рождения.

— Довольно часто способны стать хорошими зрителями? — Во всяком случае, очень редко бывает, чтобы дети не выдерживали

спектакль. У нас есть постановка «Свет мой, зеркальце, скажи...», которую мы делаем для патиклассников. Но она почему-то не приходит. Наверное, их больше интересует дискотека. А вот дошколята очень хорошо смотрят, хотя мы в этот спектакль включили перепику Пушкина с Натальи Гончаровой. Вроде бы это не для малышей. Но, вероятно, они видят что-то свое, а взрослые — свое, как и во всех наших работах. Скажем, на спектакле «Винни Пух и все, все, все...» дети наблюдают за любимыми героями, а некоторые родители в конце просто плачут, потому что это спектакль об утраченном детстве.

— Вы адаптируете детскую литературу для восприятия малышей? — Конечно, нет. Мы только делаем сценическую верстку. Можем что-то добавить, как добавили перепику Пушкина в «Сказку о мартышке царевне». А в «Капитанской дочке» у нас звучат письма Екатерины Второй и Волытера.

— Вы принципиально обращаетесь к детским книгам, а не к пьесам, написанным специально для театров кукол? — Мы игнорируем оригинальные пьесы по той причине, что я уже давно не встречала хороших. Я знаю таких авторов, которые пишут по пять пьес в день, потом распечатывают их на пишущей машинке и рассылают по почте во все театры нашей Родины. А ведь кто и поставит. И действительно, такие миллионные пьески на двух-трех артистов — настоящие находки для театров, которые вынуждены выпускать четыре-пять премьер в год. Но мы ставим один спектакль в сезон и считаем, что имеем право делать это с полным удовольствием.

— Помимо спектаклей, ведет ли ваш театр школу-либо педагогическую деятельность? — Я бы ее назвала скорее просветительской. У нас перед каждым спектаклем проходит встреча с детским писателем. Бывают литературные праздники, например, Неделя детской книги. Есть очень интересная программа под названием «Пушкин и твой театральный урок». На спектакль «Свет мой, зеркальце, скажи...» мы приглашаем пушкинистов, которые детям и родителям рассказывают о поэте и его времени, принеют старинные рукописи, как-то парчоточки, веера, балльные туфельки. Звучит музыка того времени. Проводится выставка тушинских рисунков. Сейчас мы решили эту программу расши-

М. Грибанова

рить. Будем проводить «Театральные уроки литературы», где к спектаклю приложится рассказ о писателе, произведении, жанре, в зависимости от возраста детей. Предназначена эта программа пока для детей-инвалидов. К сожалению, здоровья детей учителя не слишком любят водить в театр.

— Насколько сегодня оптимистично или пессимистично состояние российского театра кукол? В чем его главная проблема? — Первое, что просится на язык: все бедно оттого, что денег мало. Но на самом деле это не так. Куклу можно сделать из чего угодно. Пройти мимо любой помойки и найти то, что тебе нужно. И я этим занималась много лет: искала материалы на помойке, у знакомых, у себя в мастерской — то, что оставалось от других спектаклей. Дело не в этом. Дело в том, что у нас сейчас нет хорошей школы театра кукол.

— У Образцова школа была? — Я освещенно точно знаю: у Образцова школы не было. Тут и спорить

нечего. Один раз он руководил Высшими режиссерскими курсами при ГИТИСа, в течение два лет. Но это были, скорее, курсы повышения квалификации для актеров, которым пришлось заниматься режиссурой. В итоге ему удалось обучить 13—14 человек, из которых далеко не все задержались в этой профессии. И один совместный театр режиссоров и художников театра кукол был у Образцова в ГИТИСа, максимум 20 человек. На этом все закончилось.

— Помимо Образцова, были другие учителя?

— В ЛГИТМИКе пользовалась хорошей репутацией кафедра, которой руководил Михаил Королев. Он умер, кафедра осталась, но что будет дальше, я себе плохо представляю. В Москву приезжали студенты с этой кафедрой. Хорошо ребята, но я поняла: они считают, что до них не было ничего. То есть, попросту говоря, они изброжают великого.

— В Москве страдем оттого, что нет актерской школы. Ни один из те-

атральных вузов столицы не готовит артистов-кукольников. Поэтому постоянно приглашаются выпускники из других городов. Но эти молодые ребята приезжают, чтобы завоевать столицу. И практически все они считают, что театр кукол — это стартовая площадка, а дальше надо либо поехать в вакулюльные антрепризы, либо работать в ресторанах или богатых клубах, пойти на телевидение, где хорошо платят или сниматься в кино.

— Профессия актера-кукольника становится непрестижной?

— К сожалению, да. Хотя я считаю, что артисту она дает совершенно немислимые возможности.

— Артисту этого театрального жанра тоже можно посочувствовать: герой — не он, а кукла, его же никто не видит, да и вниманием критики театры кукол на избалованы.

— Театр кукол — это такой же театр, как и любой другой. Юножь лучше и интереснее, потому что это театр парадокса. Здесь не высказывая на красивых плашках и хорошей фигуре. Если артист хорошо работает, его действительно не замечает публика. А иногда он начинает такое вытворять со своим лицом, что просто «забывает» куклу нечасто. Наталья Смирнова, лучший, на мой взгляд, критик нашего жанра, называла актерской принцип «системного моновидения»: мир, увиденный глазами героя спектакля. Это трудно. Но что же делать?

— «Волшебная лампа» — частый гость международных фестивалей. Чем, на ваш взгляд, отличается отечественный театр кукол от зарубежного? — Совсем недавно мы побывали на фестивале в итальянском городе Перуджа. И я видела там несколько преимущественно итальянских спектаклей. Это либо назидательное, либо чистое развлечение. Причем зритель там очень воспитанный и хорошо смотрит, например, спектакль о том, что надо мыть руки, иначе зловредные вирусы нападут на ребенка и он будет болеть. Мало того что весь этот ужас с тачиющими вирусами показывается на сцене, так еще в финале артист выходит к детям какого-то таяного вируса, который чихает, сморкается, ладошкой дотрагивается до ребят. Они, впрочем, радостно жмочут.

Некоторые спектакли решены в абстрактных формах. Например, экран, на котором сходится и расходится цветные круги и треугольники. Это длится два часа под специально написанную музыку. Все очень здорово

сделано, но на самом деле к театру кукол имеет небольшое отношение, потому что куклы как таковых нет.

Кстати, театр Восточной Европы куда интереснее, чем Западной. И это, между прочим, благодаря Образцову, который в свое время надавил на социальер своим авторитетом: везде была восторжены театры, и финансирование существовало, и школы специальные появились.

— А что беспокоит европейских кукольников?

— В прошлом году в Венгрии был очень представительный фестиваль, на котором поднимались и театральные проблемы. Причем основная проблема была не творческая. Там все творят, как могут. Неодобрение вызывала агрессия, которая порой исходила со сцены и могла пробудить в детях соответствующие реакции.

— Вы считаете, что российский театр кукол все-таки остается лучшим в мире?

— Видимо, так. В силу того, что он более осмысленный и изобретательный. Может быть, потому, что театр кукол позволяется больше, чем драма.

— К театру для детей многие взрослые театры относятся с прохладцей. Вы же всю жизнь — взрослей. Почему? — Я думаю, все у нас наладится, если найдется нужное количество сумасшедших, которые всеерьезно будут заниматься искусством для детей. Все-таки это отдельная сфера. Для взрослых театров детские спектакли — каторга, Божье наказание. Ну разве можно с таким настроением что-то делать для детей? Я однажды уволила гардеробщицу за то, что она не улыбалась детям. Она развела их с мрачным лицом. Конечно, это не служебное преступление, но я ее уволила. И пока не нашла новую, пошла стоюла в гардероб сама и получила от этого огромное удовольствие. Знаете, дети приходят, как калустки. Начинаешь снимать комбинезончики, капюшончики, саночки, а внутри оказывается маленькая леди — в роскошном платье, в белых колготочках, в красивых туфельках, вся в каких-то заколочках, бантиках. Ну готовился же ребенок! И разве можно после этого обмануть его ожидания?

Беседу вел
Ирина АЛПАТОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ